

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Литературное приложение к газете «Абхазский меридиан» № 1

Несколько лет назад по инициативе группы писателей и общественных деятелей вышел в свет сборник «Время жить», куда вошли произведения писателей Южного Кавказа. Книга стала событием не только потому, что многие вошедшие в нее произведения являлись собой примеры по-настоящему хорошей литературы. Гуманистическая направленность сборника положила начало своеобразному литературному диалогу, в котором участвуют и писатели, и читатели.

Переключившись с чужим заботам и боли, разрушить образ врага, к несчастью, укоренившийся в сознании значительной части наших обществ.

Литературное приложение к газете «Абхазский меридиан» задумывалось как скромная попытка содействовать продолжению этого диалога.

К величайшему сожалению, после конфликтов на Южном Кавказе, и, в частности грузино-абхазского конфликта, наши общества живут как бы в параллельных мирах, отвернувшись друг от друга. Это состояние продолжает-

ся долго, уже более 20 лет. Южный Кавказ – регион пяти литератур – абхазской, осетинской, азербайджанской, армянской, грузинской. Некогда они были связаны и развивались в тесном взаимодействии. Но за последние годы в каждой из них выросли новые поколения прозаиков, поэтов, драматургов, литературных критиков, которые почти ничего не знают друг о друге, и о которых совсем ничего не знают читатели вне их литературного ареала. В определенной степени утеряна миссия литературы – пытаться понять человека, помочь ему, радоваться радости и страдать боли других народов, находить общий язык между различными культурами, пропагандировать мир без войн и насилия.

Хочется думать, что читателям «Абхазского меридиана» будет интересно познакомиться с произведениями абхазских и грузинских писателей разных поколений, а также их собратьев по перу из других регионов Южного Кавказа.

Гурам ОДИШАРИЯ

Дмитрий Гуля

ПОД ЧУЖИМ НЕБОМ

Всякий любит свою родину, как Шам*

Абхазская пословица.

Мурытхва и Шарытхва – сыновья двух родных братьев, разделивших «цепь с отцовского очага»**. Местность, где они жили – высокая, неровная, но красивая.

Мурытхва был уже глубокий старик, но выглядел бодрым, здоровым и работал легко.

Между усадьбами братьев стекала со скалы родниковая вода, такая холодная, что замораживала палец.

Внизу, на равнине, стояла мельница, которая шумела и днем и ночью. Кукурузник порою был полон зерна, в корзинах бывал сыр. Мурытхва очень любил пчел. Ульи занимали большую часть задворка.

Но больше всего любили братья лошадей. Лошади и седла братьев всегда отличались от лошадей и седел односельчан.

Не различишь, кто старше и кто моложе из сыновей Шарытхвы – Рафет или Таариф: один другого лучше, оба прекрасные парни.

Сыновья Шарытхвы прилежно занимались хозяйством, охотились на диких зверей. Однако воровать коней, развешивать с дворянами, что в те времена считалось молодецеством, они не любили.

Сыновья Мурытхвы – Елкан и Торкан – высокие, широкоплечие, с тонкими талиями, необыкновенно подвижные, и росли они, как упругое, вьющееся растение – вольно и быстро.

Их оружие, обращение с товарищами, то, как пользовались плетью, вызывали зависть сверстников. Везде, во всех делах были проворны и решительны Елкан и Торкан. Одним словом, если кто желал себе хорошего, то непременно хотел иметь таких молодцов.

Елкан и Торкан были храбры, все развезжали с дворянами, не гнушались воровства и грабежей. Короче говоря, переняли все, чему научили их дворяне. Особенно прилежным оказался старший брат – Елкан, поэтому-то дворяне и князья ценили его и шагу не делали без него в своих черных делах. Большую часть времени Елкан проводил у своего воспитанника князя Алдыза. Елкан горой стоял за него, воровал для него коней и скот. Если надо мстить непослушным – выступал первым. А за это его хвалили дворяне и князья, величали молодцом. В этом и заключалась

вся награда.

Елкан отдал бы за князя Алдыза все, даже жизнь.

Было утро.

Туман отходил в горы.

К воротам дома Елкана подъехал всадник, сам открыл их и, въехав, опустил запор, который с шумом захлопнулся. У самого дома всадник несколько раз хлестнул лошадь плетью и, словно ястреб, подлетел к крыльцу.

Елкан, первым услыхавший стук копыт, живо спрыгнул с крыльца и радушно приветствовал гостя.

– Добро пожаловать! – сказал он и придержал стремя, чтобы помочь гостю сойти, но тот отказался.

– Добро тебе! Доброе утро! – сказал всадник. – Алдыза нет дома, а к нему приехали гости и дожидаются его. Надо полагать, что они по важному делу. Княгиня сильно озабочена.

Этого было вполне достаточно: Елкан мигом оседлал коня и вместе с гостем поспешил к дому Алдыза.

На княгине лица не было. Она отозвала Елкана в сторону и сказала ему:

– Твой воспитанник вчера уехал в город. Там кто-то опознал свою лошадь и пригласил князя в управление. Воспитанник сослался на тебя. Он заявил, что лошадь продал ему ты. Дело пустяковое, но князь может пострадать, если ты не поможешь. Словом, его судьба в твоих руках: хочешь – спасай его, хочешь – нет. Вон там, в зале, сидит начальник участка, зайди и дай свои показания. Если против ожидания, дело и примет серьезный оборот, твой воспитанник непременно заступится и выручит тебя. За клячу не даст тебе в обиду!

Сказав это, княгиня удалилась. Елкан, недолго думая, вошел в зал. Начался допрос.

Елкан заявил начальнику, что лошадь, о которой идет речь, он, Елкан, продал князю Алдызу. От кого же Елкан получил ее, так и не мог указать. Начальник приказал стражникам арестовать Елкана и взять с собой.

Так Елкан поехал в город. Как выяснилось, лошадь была украдена со взломом, и, кроме того, кража эта повлекла за собой кровопролитие. Было похоже на открытый грабеж. Начальник участка поручил дело следователю, а тот придал ему важное значение и привлек Елкана к ответственности. Правда, Алдыз взял его на поруки...

Через некоторое время дело разобрали в суде:

Елкана лишили всех прав, состояния и, после двухгодичного тюремного заключения, сослали в Сибирь на вечное поселение.

Так пропал Елкан! Какие только меры ни принимали его родители, но ничего не добились. Напрасно только разорился Мурытхва. И отец Елкана, про которого говорили, что не стареет, быстро ослаб, осунулся.

II

В Сибири, в незнакомой стране, среди незнакомых людей Елкан совершенно переменялся: похуел отчаянный джигит, лицо его пожелтело, бродил он, пугливо озираясь по сторонам, блуждал, точно тень по городу. Когда вокруг смеялись, он плакал и старался держаться подалеже от смеха.

В один из весенних дней побрел Елкан за город, чтобы немножко рассеять свою грусть, чуточку подбодрить себя. Гуляя, он обратил внимание на синеватые вдали горы. Неожиданно воспрянул духом наш горец. Бесцветные губы и щеки покрылись розовой краской. Чтобы получше разглядеть эти горы, он выбрал себе удобное место под деревом и стал любоваться. Ему показалось, что одна из гор очень похожа на ту, что была в его родной стороне, на виду которой он родился и провел свою юность и возмужал.

Взор его подернулся туманной пеленой... Вот стоит их дом... Перед домом большое ореховое дерево... А вон Мурытхва с уздечкой ходит возле лошади. Подальше, у ворот, шагает Шарытхва со своей длинной клюкой... Внизу, в долине, шумит водяная мельница... Перед мельницей стоят Торкан и Таариф, за ними – Рафет...

А вот и мать сидит на крыльце... Елкан напрягает взгляд, все свое внимание обращает на нее, но, к несчастью, не может хорошо разглядеть – расстояние мешает... Наступил вечер.

Елкан с большой неохотой принужден был вернуться в город. Слезы горечи выступили на глазах и под напором чувств полились ручьем. Его охватила тоска.

Он вернулся к себе, еле держась на ногах, вернулся с единственной мыслью: еще раз побывать у дерева и снова полюбоваться на родные горы...

Он попросил одного знакомого назвать ту гору, которую видел за городом. Тот назвал ее странным именем, и не поверил ему наш горец. Он был уверен,

что это та самая гора, рядом с которой живут его родные. Утром Елкан пошел встречать своего знакомого по Абхазии, плотника Мыстафа, некогда строившего их дом. Мыстаф давно был сослан в Сибирь за политические дела. Елкан с большой радостью обнял его. Долго они говорили о разных делах, а затем Елкан поведал о горе, которую видел вчера. Хотя Мыстаф уверял, что это совсем не абхазская гора, Елкан все же повел Мыстафа за город.

Елкан сказал:

– Мыстаф! Я сильно пал духом. Я болен. Ежели бы ты, я, пожалуй, слег бы. И сны мои тоже плохи. Возможно, я умру. Ежели умру, моя просьба к тебе: похорони меня здесь, на этой площадке, под этим деревом, от которой видна гора.

– Не бойся. Не падай духом. Ничего не случится с тобой! – сказал Мыстаф. – В городе поговаривают, что в России революция, что арестовали царя и освобождают всех заключенных. Ежели Богу будет угодно, то после пасхи и мы с тобой отправимся домой.

– Правда, до пасхи не так уж много дней, но я боюсь, что не доживу и до пасхи. Мыстаф, ежели ты веруешь хоть немного в Бога, не забудь моих слов, обещаю исполнить просьбу. Ежели я буду знать, что после смерти меня похоронят напротив этой горы, я посчитаю себя счастливейшим человеком. Правда, я не буду видеть ее, но она будет смотреть на мою могилу. И все же, Мыстаф, я думаю, что это и есть именно та, наша гора.

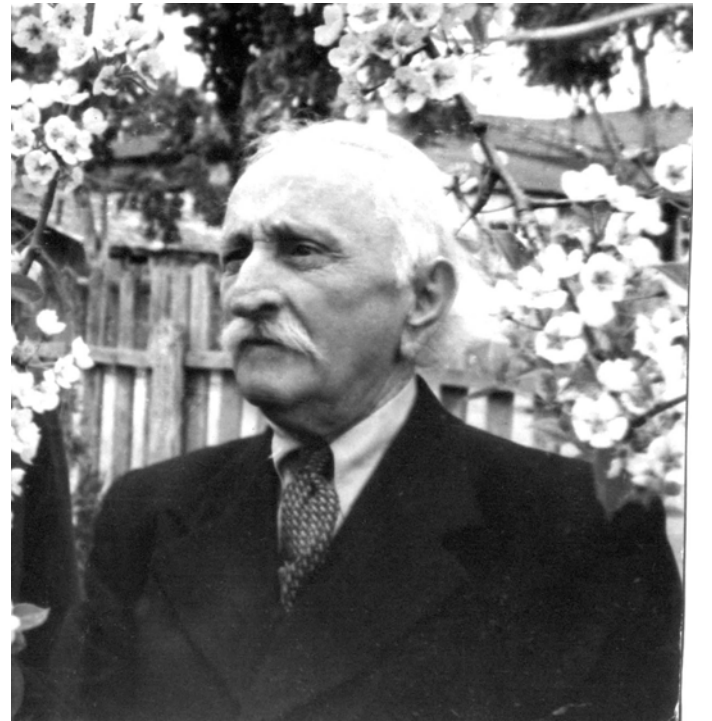
– Умереть ты не умрешь, но ежели это будет угодно Богу, то я во что бы то ни стало выполню твою желанье, – сказал Мыстаф.

Мыстаф дал слово в день пасхи зайти к Елкану. Поцеловались они, обнялись и разошлись. Мыстаф пошел к себе (это было где-то не очень близко от города), а Елкан вернулся в свою комнату. Вскоре он заболел и слег. Становилось ему все хуже и хуже, а дня за три до пасхи, Елкан почувствовал, что умирает. И некому было сообщить об этом Мыстафу.

Елкана перевезли в какую-то убогую больницу. Он уже ничего не соображал. Весь был во власти горячки.

III

Давно не видел Елкан своих родных, а теперь предстали они перед ним, как живые. Горит его несчастная голова, горит, и ка-

жется ему, будто мать кладет на пылающий лоб платок, смоченный холодной водой. Кладет и приговаривает: «Сын мой, что было бы с твоей матерью, если бы вовремя не попал в руки мои. Милый мой Елкан!..»

В это время сиделка, не заходящая к больному с самого вечера, принесла тарелку супа и сильно хлопнула дверью. Елкан вздрогнул и, полуоткрыв глаза, закричал:

– Мама, не отходи! Положи мне на голову холодный платок. Я хочу пить. Поддай-ка стакан!

И, полагая, что мать со стаканом воды подошла к нему, собрав последние силы, он попытался приподняться. Сиделка, видя, что больной собирается встать и что-то бормочет, уложила его.

– Мама, возьми стакан скорее! Видишь, я чуть не облился!

И он протянул руку. Сиделка не поняла, в чем дело. Она дала ему платок, валившийся на полу. Елкан сделал слабое усилие, чтобы посмотреть, что у него в руке, но так и не смог, несчастный.

И почудилось ему, что отца Мурытхва внесли в воду, а дядя Шарытхва наполнил табаком чубук, положил огня и отодвинулся подалеже, явно недовольный поступками племянника. Обратившись к нему, Елкан сказал:

– Шарытхва, ты недоволен мною... Обвиняешь меня в том, что я верчусь между ворами... Даю тебе слово, что больше никогда не буду иметь с ними ничего общего... Из-за них же пострадал я. Правда говорит пословица: «Слово «молодец» человека губит». Хвалить стали меня, что я ловок, храбр, вот и стал я делать все, что мне предлагали, и погиб. – Затем обратился он к своей матери: – Мама! Поддай-ка мне ту родниковую воду, что принес отец. В горле у меня совсем пересохло.

Больной снова протянул руку, которая попала в тарелку с супом и расплескала его.

Сиделка больше не заглядывала сюда: на другой день была пасха, и она занялась своими делами.

Вторые сутки твердил Елкан: «Воды! Воды!» Но кто же мог дать ему напиток, если около него не было никого?..

Так бредил джигит о стакане холодной воды. А после полуночи он перестал дышать.

Наступила пасха. Мыстаф пришел в больницу, и застал своего друга бездыханным. Одна рука Елкана лежала у тарелки с застывшим супом.

Мыстаф сдержал свое слово и с большими трудностями похоронил Елкана под деревом, именно там, где просил покойный.

На дереве том сидят птички и поют лихому джигиту свои песни. А издали горы, смотря на его могилу, смотрят, чтобы облегчить сердце, так сильно жаждавшее вернуться на родину.

IV

В пасхальную ночь увидела Шарифа во сне, будто сын ее Елкан, здоровый, румяный и красивый, въехал во двор.

Она проснулась и, полагая, что все это происходит наяву, живо открыла дверь и посмотрела на ворота. Где же Елкан? Ах, то был сон! Она захлопнула дверь и со слезами села у очага. Развела огонь. Накинула на голову шаль, чтобы скрыть от мужа свои слезы.

Проснулся и Мурытхва и начал бранить жену, которая невольно разбудила его.

– Я только что говорил со своим сыном, – сказал он. – Это было так приятно, и вдруг – проклятые двери! А знаешь, – добавил Мурытхва, – он был совершенно здоров, бодр, хотел что-то сказать, но проклятые двери!..

ПОД ЧУЖИМ НЕБОМ

Окончание

– И я видела моего Елкана, – сказала Шарифа, – он въехал во двор, словно наяву!

И она горько заплакала. – Слушай, – обратился Мурыхта к своей старушке, – в одно и то же время нам снился сын. Это нехороший признак. Вот уже пятый день мурашки пробегает у меня по телу. С нашим сыном что-то случилось, но нам, несчастным, ничего не известно.

– И мои приметы не предсказывают доброго, – сказала Шарифа и заплакала пуще прежнего.

Чтобы хоть сколько-нибудь утешить жену, Мурыхта сказал:

– Ты слышала, что царя сменили, а на его место посадили Явалуц (так, кажется, зовут его) или Ювалуц, не могу тебе передать точно. Это имя произносят образованные. Во всяком случае, оно похоже на Ювалуц. Такой человек сидит теперь на царском троне. Он всех арестантов и сыльных, которых наказал царь, освобождает. В доме Алдыза я видел одного из выпущенных. Он сидел в сухумской тюрьме.

– А Елкана он не видал?! – Дура ты, этот человек сидел в сухумской тюрьме, а наш сын в Сибири. И этого не знаешь!

– Как видно, его вовсе

из Абхазии услали, – сказала Шарифа.

– Да что там из Абхазии! Ежели оседлать хорошую лошадь и ехать и днем и ночью целых три недели, то едва ли доедешь до тех мест, где наш сын.

– Должно быть, так и есть, а то бы он сбежал оттуда. Видно, забросили его в какую-то ужасную даль. Но неужели же вся Абхазия в руках русского царя?

– Не то что вся Абхазия, но в два-три раза более обширные страны, чем Абхазия, находятся в руках русского царя.

– Ну, значит, весь мир захватил этот царь. Теперь, как видно, за грехи пришлось ему отвечать. Вот именно, как ты сказал, в прошлую пятницу к Алдызу приходил какой-то парень и рассказывал княгине, что царя сбросили, арестованных выпустили, что у всех дворян и князей отбирают землю и уничтожают различие между богатыми и бедными. Княгине эта новость показалась очень неприятной...

– Это вам рассказывал, по всей вероятности, тот самый парень, который часто приходит к Алдызу. Правда, может быть, он и услышал что-нибудь, а сам-то он ничего не смыслил, настоящий чурбан!

– Ты его ни во что не ставишь, а между тем он со-

всем как студент, – заметила Шарифа.

– Какой же он студент? Он просто болтун.

– Ты не веришь, что он студент? По одному тому, что волосы у него до самых плеч, можно сказать, что он студент. Учти, он человек с большими глазами и с большой головой, а это признак мудрости, ежели ученые говорят правду.

– Эх ты, дура! Он человек неграмотный. Я-то его знаю хорошо. Он болтун, шляется по деревням, покупает в долг дохлых буйволов, а денег не платит. За это ему часто достает-

ся. Недавно Латкуч ударил его по голове палкой. Все над ним смеются. Не всяк студент, у кого волосы длинные. Тебе показалось, что он человек хороший, потому что говорил об освобождении сыльных... Да будут прокляты те, по вине которых пострадал наш сын! Тебе кажется человеком всякий, кто скажет что-нибудь об освобождении арестантов. Подумай сама, не всяк умен, у кого глаза и голова большие. Ежели бы это было так, то сама знаешь, какие головы и глаза у наших буйволов, однако

же они остаются буйволами. А у нашего соседа Маква какая большая голова? А ведь он большой дурак. Оставим в покое дураков, поговорим о наших снах. Наш сын или освобожден и находится в пути, или с ним стряслось что-то неладное. Пожалуй, что случилось несчастье. Но что делать нам? Мы ничего не можем помочь. Отвори-ка дверь; кажется, рассвело. Шарифа открыла дверь; оказалось, что давно взошло солнце.

– Полдень! – с удивлением произнесла Шарифа. – Разговорились...

Пусть горе мое и горе моего сына не дадут покоя тем, кто научил воровать Елкана. Ему за всех пришлось отвечать!

– Ты проклинаешь дворянство, – заметил Мурыхта, – но от этого оно стало тучнее. Приготовь-ка лучше что-нибудь, ведь сегодня пасха. Ежели есть у нас счастье, сын вернется здоровым. Во всяком случае мы скоро услышим о нем.

Мурыхта встал и вышел во двор.

Прошло два месяца. Шарифа с тоскою ожидала сына.

Однажды во двор вошел человек. Это был Мыстаф. Он нес под мышкой вещи Елкана. Молча положил их на нары.

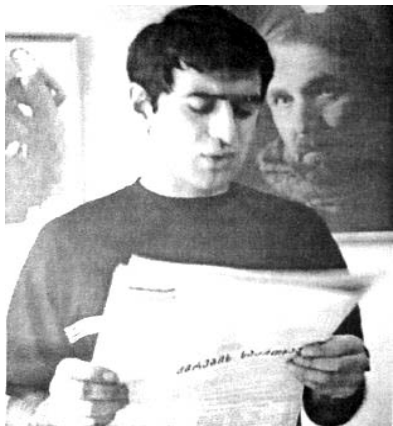
Когда он сообщил, что накануне пасхи Елкан скончался, вся семья подняла раздирающий душу крик.

И долго, долго все родичи и сельчане вспоминали об Елкане, который под чужим холодным небом, преждевременно по вине своего воспитанника Алдыза, закончил свое существование, не оплаканный как следует.

1918 г.

Перевод автора.

* Священный город.
** Разделивших отцовское наследство.

Шалва Бакурадзе

Родился в 1973 году в Сухуми. Окончил филологический факультет Тбилисского государственного университета. Автор поэтических сборников «Добрые люди», «Письмо к Нино» и другие. Участник Международного русско-грузинского поэтического фестиваля 2010 года. Известен как переводчик английской и англоязычной поэзии. В 2009 году, по результатам Интернет-опроса, был признан самым популярным поэтом Грузии.

Кто на Крайнем Севере выносит лютые морозы и любовью постель по ночам согревает, в чьих жилах кровь течет горячее лавы;

Кто по улицам Нью-Йорка вышагивает и взглядом пытается отыскать привычные небоскребы, сровнявшиеся с землей, — жизни цена вам известна не понаслышке;

Кто в джунглях Амазонки, Конго и Новой Гвинеи пребывает и радуется, глядя на далекие звезды;

Кто под небом Багдада и Тегерана затравленно ждет с минуты на минуту огненного града; —

К вам я взываю,

Этим мартовским пасмурным утром я к вам взываю, люди,

Кто мною здесь не упомянут, кто мне неведом, кто столь отдален в пространстве,

Что слово мое до вас не дойдет и через многие годы, Но все же к вам я взываю,

Во имя любви и всего сущего, Ибо сегодня некому, кроме вас, выступить против смерти,

Ибо сегодня некому, кроме вас, кричать, вопить, орать в защиту жизни,

В защиту нашей всеобщей святыни,

В защиту Жизни.

Перевод Максима Амелина

Вечерня

То, что я хочу рассказать, светлей чем младенца смех и теплее рук материнских, быть может. Безмятежный сон, что лежит вокруг бездорожья, там, где нехожен луг, безмятежен сон, там трава служит ложем.

Океан небес, синеве всех высей, чище всех, прежде виденных, высей дальних – бескрайней. Лишь глаза закрой, сердце вспомнит их и увидит, лишь удержи на миг, лишь дыханье на миг удержи, дыханье.

Аз емь пекарь и, на своем веку, я влеку судьбу – что мука бела, счастье – теплое тесто. Золотым, доставшимся бедняку, солнцем полон рот – весь словарь дотла,

лишь люблю, люблю, люблю, слов вместо.

Я рыбак – моя улыбка, на дне глаз твоих, блестит разнежась, плывет рыбкой в светлой лагуне. Твоего давно зная сердца ход, понял лишь сейчас я свое и вот – без тебя уже не могу, не могу, не могу, не...

Помню, как сейчас, как я покидал незабвенную родину мою, небеса с облаками, в дом к тебе приди, подожди, когда одиночество сгинет без следа, под тобой простыню увлажню словами.

Я твоя жена, я тебе верна. Я твой муж, Господу вверенный, я муж твой, муж я твой верный. Знаю, в главном, ты не поймешь меня, ибо слышишь все из пределов сна, соглашаясь: ветер, да, ветер в двери.

Вновь ложусь с тобой, моему в ответ доверяется дыханье твое, и темнеют волос волны – так, любя в тебе каждый жизни след, я люблю твое же небытие, ну на что мне это, скажи, на что мне?

Перевод Анны Золотаревой

Виноградник

Никогда не стриги мою книгу, в ней ни одно Слово не будет лозой без тебя. Это вино Долго искал, подбирая землю, солнце, дожди, Каждую строчку с любовью к тебе прививая. Мой виноградник цветет, склон оплетая волной, Трепетных листьев живые страницы срываю Бережно и прижимаю к груди.

Вот оно, сердце мое, чувствуешь? — не для чужих. Не для далеких. Никто, кроме тебя, в нем не жил — Строк черенки приживутся, надеюсь я слепо. До ноября в ожиданье вина молодого Бродит по дому запах, будто старик, и кружит Голову виноградное слово, И распрямляет побеги упругие в небо.

Эти слова как трава только с первого взгляда, А заглядишься под ноги — прозрачна рассада, Чувственны корни лозы, огнеупорна их плоть. Чужденна жизнь на корнях. Властная гроздь налита. Стоит отведать хоть раз драгоценного яда, Слова распробовать вкус: все остальное — вода Пресная. Будь ты не царь, а Господь — Ты бы не смог позабыть это вино никогда.

Перевод Ирины Ермаковой

Уолт Уитмен против Джорджа Буша

Этим утром, этим хмурым мартовским утром, Пока Земля еще не перестала дышать, Пока травы еще не утратили способность под ветром шелестеть,

Пока рыбы еще не исчезли в морях и реках, Пока льды еще не успели растаять на полюсах,

Пока радость еще не отступилась, тенью следуя за каждым из нас,

Я взываю к вам, люди,

Этим пасмурным мартовским утром взываю я к вам, Кто на этой Земле укоренился глубже древес перво-

родных,

Кто для этой Земли поважнее, чем дождь и снег, чем Солнце и звезды,

Кто из этой Земли прорастает, подобно траве, кто питается этой Землей и в свой срок возвращается в эту Землю,

Люди, я к вам взываю,

Кто на Дальнем Востоке выходит в открытое море на рыболовецких судах, снастями груженых;

Кто на китайских полях, орошаемых желтой водой, растит рис, принося домой

еженощно на волглых подошвах землю, желтую землю, которой являетесь вы;

Кто в австралийских обитает градах и весях, зная твердо, что блаженная эта земля — ваша;

Кто на дорогах индийских в рубище сидит с рукой протянутой или с цветочными гирляндами торопится в храм, где ждут улыбчивые и молчаливые боги;

Кто в российских бескрайних просторах прозябает, налившись водкой, прозрачной как ваши души;

Кто в Сахаре с оазиса на оазис переносит соль и пшеницу, чья кожа черней той земли, из которой вы произникли, вы, рожденные этой землей и ею наученные терпению;

Кто у подножья египетских пирамид сеет и строит, воспринимая как обыденную данность обступающие вокруг окаменевшие тысячелетия;

Кто в Греции, в Италии, в Испании, во Франции ощущает счастье внутри городских лабиринтов;

Кто в Украине, в Белоруссии, в Грузии учится свободе, ибо ваша она от рождения и нельзя о ней вам забывать;